

«ОБЗОРНАЯ СПРАВКА» ПО СУДЕБНО- СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА ПЛЮХАНОВА (1944–1946 гг.)

БОРИС РАВДИН

Судебно-следственное дело Б. В. Плюханова, одного из участников молодежного православного движения в Европе, юриста, секретаря Латвийского Епархиального совета, представлено как материал по истории фальсификации следственных дел и внутреннего сопротивления подсудимых советским спецслужбам в 1940-х гг.

Ключевые слова: Б. В. Плюханов, церковь, НКГБ-МГБ, техника вербовки тайных агентов, Рига, Молотовская область, 1944–1946 гг.

Boris Ravdin. Review report on the court investigation case of Boris Vladimirovich Plyukhanov (1944–1946)

The court investigation case of Boris Plyukhanov, one of the participants of the Youth Orthodox Movement in Europe, lawyer, secretary of the Latvian Diocesan Council, is presented as material on the history of falsification of investigation cases and internal resistance of defendants to the Soviet special services in the 1940s.

Keywords: Boris Plyukhanov, church, NKGB-MGB, recruitment techniques for secret agents, Riga, Molotov region, 1944–1946.

Судебно-следственное дело (далее — Следдело) Б. В. Плюханова (1911, Рига — 1993, там же) было начато 9 ноября 1944 г., окончено 13 ноября 1946 г. Хранится в Государственном архиве Латвии [Следдело], содержит 99 листов, с учетом литерных и оборотных листов — около 150 страниц. Там же хранится Наблюдательное дело на Бориса Плюханова (далее — БП) — 9 листов [Наблюдательное дело].

Цитаты из Следдела, как правило, приводятся без учета современного правописания.

Благодарим М. Б. Плюханову и Э. В. Секундо за помощь в работе.

К середине октября 1944 г., 13 числа, в боях с Вермахтом, Красная армия вошла в Ригу. С завершением военных операций на этом участке военного, национального, идеологического и прочих противостояний получили возможность активизировать свою деятельность разного рода советские институты, призванные печься о государственной безопасности. В течение ближайших месяцев начальные мероприятия по очистке и зачистке «староново́й республики» в определенной степени были осуществлены. 26 января 1945 г. Л. Берия докладывал И. Сталину, что, согласно сообщению из Риги наркома НКГБ В. Меркулова, с июля 1944 по 20 января 1945 г. на территории Латвии органами НКВД-НКГБ было арестовано 5223 человека.

Отдельной строкой (учитывая особое внимание И. Сталина к теме?) было отмечено, что помимо арестов

... разработан и осуществляется план агентурно-оперативных мероприятий по лютеранскому, католическому и православному духовенству в Латвии.

Подготавливается арест руководителя лютеранской церкви ИРБЕ¹, в отношении которого имеются данные о его связи с немецкой разведкой и враждебном отношении к советской власти.

После его ареста на пост руководителя лютеранской церкви будет продвигнут наш агент, пользующийся авторитетом среди прихожан и духовенства².

По римско-католической курии арестованы ксендз КАЗЛАС³, дающий показания об антисоветской деятельности ряда других ксендзов, и фактический руководитель католической церкви в Латвии прелат ПАСТОР А. И.⁴

¹ Карлис Ирбе (Kārlis Irbe; 1885–1966, Рига), авторитетный лютеранский священник, политический деятель довоенной Латвии; с конца сентября 1944 г., вслед за эмиграцией архиепископа лютеранской церкви Латвии Т. Гринберга, исполнял обязанности местоблюстителя архиепископского престола. В феврале 1946 г. К. Ирбе был арестован, удален из Латвии (осужден на семилетнюю ссылку в Казахстан).

² Речь идет о Густаве Турпе (Gustavs Turps; 1890–1973, Рига), с 1948 г. архиепископе («красный архиепископ») лютеранской церкви Латвии.

³ Язепс, или Езупс, или Юозопас, или Иосиф Казлас (Jāzeps, Jezups, Juozapas, Iosifs Kazlas(s); 1887–1965, Ленинград, похоронен в Литве), священник (в части документов советских спецслужб все священники католической церкви настойчиво именуются ксендзами), общественно-политический деятель довоенной Латвии, публицист; в 1946–1963 гг. (при отсутствии французского языка) — настоятель церкви св. Лурдской Богоматери в Ленинграде (той самой, которую в 1966 во время своего визита в СССР посетил Шарль де Голль). Судя по некоторым воспоминаниям, часть прихожан отказывала настоятелю этой церкви, основанной выходцами из Франции, в доверии. См. об этом: [Шикер].

⁴ Пасторс Альфонс (Pastors Alfons; 1890–1968, Рига), официал Рижской курии, политический деятель довоенной Латвии. Арестованный в 1950 г. и осужденный на 10 лет ИТЛ А. Пасторс на следствии показал: «С 10 января по 7 марта 1945 года я задерживался органами НКГБ Латвийской ССР. Причину задержания я не знаю, поскольку мне обвинения не предъявлялось» [Дело Пастора]. В Надзорном деле А. Пасторса [Там же: 42. lpp.] содержится недатированная Справка: «ПАСТОР Альфонс Янович в январе 1945 года задерживался органами

По линии православной церкви арестовано 7 человек⁵.

Борис Плюханов, как и ряд других «фигурантов» был арестован накануне рижской «командировки» В. Меркулова, что, возможно, не было случайностью: латвийскому отделению НКГБ представлялась возможность «вживую» отчитаться перед Москвой о проделанной «работе»⁶. Но формально БП числился арестованным только с 21 марта 1945 г. (тем же днем датируется и ордер на его арест [Следдело: л. 5]), а до этой даты, с 9 января, он, как это обозначено в протоколе допроса того же числа, с дальним прицелом числился всего лишь в статусе задержанного⁷. (Все эти «мелкие хитрости» оперативной работы, отраженные в разнообразных пособиях по контрразведывательной работе, позволяли держать «фигуранта», в психологическом напряжении и могли преследовать широкий спектр целей.) Но и 9 января — всего лишь один из этапов «работы» с БП. Начало этой операции следует отсчитывать с 6 ноября 1944 г., когда в Епархиальный совет Латвии, где БП исполнял должность секретаря, явились два офицера НКВД и предложили

НКГБ Латвийской ССР по подозрению совершения контрреволюционной деятельности, но по указанию помощника Прокурора по спецделам Латвийской ССР тов. Кузнецова за недостаточностью собранных материалов без оформления ареста был освобожден». Предположительно, А. Пасторс был освобожден по методу «использование втемную» в целях некоей спецоперации НКГБ внутри католической церкви Латвии. См. об этом предположении: [Krūmiņa-Koņkova].

⁵ Спецсообщение А. П. Берии И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, о результатах «чистки» освобожденной территории Латвии. 26 января 1945 г. [Лубянка 2006: 488]. Надо полагать, в сообщении А. Берии речь идет исключительно о священниках, в частности, могли иметься в виду: Н. Жунда, К. Зайц, Г. Комаровский, М. Кравченко, Н. Лауцис, В. Першин, Н. Приймаги, Н. Трубецкой, С. Трубицын. Если учесть, что К. Зайц был арестован в Литве, а С. Трубицын — только 18 января и мог не войти в список на 20 января, то указанное в спецсообщении число арестованных по Латвии православных священников можно считать верным.

⁶ См. в указанном выше отчете: «С 8 по 20 января с. г. органами НКВД-НКГБ Латвийской ССР арестовано 1396 человек вражеского элемента» [Лубянка 2006: 487]. Ср. неожиданно близкую цифру, пусть и выданную всего лишь одному дню, в воспоминаниях современника событий тех дней: «И было много, очень много, арестованных именно 9 января. Около полутора тысяч» [Плюханова: 121].

⁷ В эти же дни, помимо уже упомянутого А. Пасторса, по «религиозной окраске» был арестован прелат Хенрикс Трупс (Henriks Trups; 1908–1994, Рига), вскоре без заведения дела освобожденный (см. об этом: [Krūmiņa-Koņkova: 153. lpp.], в 1953 г. с заведением дела повторно арестованный и осужденный на 10 лет ИТА. 10 января был арестован еще один прелат — Адольф Тарбунас (Ādolfis Tarbunas; 1903–1976, поселок Балтинава (Baltinava), Латвия), осужденный на семь лет. См. о нем: [Cakuls] Там же см. биографические сведения об упомянутых выше Я. Казласе (87. lpp.), А. Пасторсе (113. lpp.), Х. Трупсе (144. lpp.). Насколько нам известно из устных источников, несколько позднее, когда в город стало возвращаться эвакуированное в 1941 г. еврейское население, определенные агентурно-оперативные мероприятия были предприняты МГБ Латвии и в отношении старостата Рижской синагоги Пейтав-шул. Осудить или завербовать? Как известно, второе предпочтительнее.

ему выдать ведомственную пишущую машинку (для оперативной надобности? для канцелярских нужд? для определения, не вмонтирована ли в клавиши пишущей машинки эмблема СС — “чч”, как это зачастую практиковалось), а так сказать заодно назначили БП к «завтрему явиться на службу к 12 ч. дня» — для «беседы». «Завтра» — это 7 ноября — казалось бы, государственный праздник, годовщина Октябрьской революции, но, как вспоминала М. С. Плюханова (со слов БП), со стороны офицеров отзвеноло предупреждение: «и не вздумайте уклониться» [Плюханова: 118]. 7 ноября, если верны воспоминания МП, состоялись две беседы капитана (у МП — майора) Сметанина (зам. начальника 4 отделения 2 отдела НКГБ ЛССР) с БП: утром — в Епархии, вечером, по нарастающей, на территории НКВД [Там же: 119].

В Следделе первый допрос БП датируется 9 ноября [Следдело: л. 9–9 об.]. Помимо анкетных данных, единственная тема, отраженная в «беседе»: Русское студенческое православное единение (далее: «Единение»), его задачи и руководящие кадры [Там же]:

Вопрос: Что это за организация. Охарактеризуйте ее.

Ответ: Задачей парижского центра этой организации явилось воспитание русской молодежи в антисоветском духе.

(Несомненно, в реальном ответе БП вместо «в антисоветском» значилось «в религиозном и национальном». В представлении следователя «религиозное и национальное» не синоним ли слова «антисоветское»?) С этого первого официального допроса БП «Единение» (как и Русское христианское студенческое движение — РСХД) подавалось исключительно как антисоветское. На этой же «встрече» по предложению следователя ответить на вопрос «Кто входил в состав центра» «Единения», БП были названы многократно представленные в печати довоенной Латвии: Николай Литвин (фамилия подчеркнута следователем. Почему? Возможно, в связи с тем, что на протяжении почти всего времени существования «Единения» Н. Литвин был его главой), Мильда Мезис (Миезис), Алексей Буковский, Владимир Косинский и Тамара Литвина [Следдело: л. 9 об.]. (Отметим, что никто из перечисленных выше лиц к следствию по делу БП не привлекался...).

Очередной доследственный допрос БП был назначен на следующий день, 10 ноября, и разошелся по двум направлениям: теперь он касался не только участия БП в организации «антисоветского характера» (т. е. «Единения»; [Следдело: л. 10–10 об.]), но и его связям с СД (служба безопасности рейхсфюрера СС), которые заключались в том, что осенью 1941 г. БП был вызван в СД референтом отдела по делам церкви и конфессий, где его

расспрашивали о случившейся в 1934 г. трагической кончине архиепископа Латвийской православной церкви Иоанна (Поммера). Как показал БП, тогда же в СД его спросили — не желает ли он занять какую-нибудь должность в рижской городской администрации, на что БП ответил отрицательно [Следдело: л. 10 об.]. (Полагаем, о вызове БП в СД следователю НКГБ было известно еще до допроса БП от 10 ноября, но из каких источников? Вряд ли БП широко делился информацией об этом «визите»).

Допрос продолжился на следующий день, 11 ноября, касался деятельности Епархиального совета, точнее, связям Епархиального совета с СД (любимым детищем НКВД-НКГБ для предъявления обвинения кому бы то ни было из переживших оккупацию). Из протокола допроса БП от 11 ноября следовало, что деятельность Епархиального совета проходила под сугубым контролем и надзором СД.

Вопрос: Стало быть, вся деятельность епархиального совета направлялась в нужном немцам <читай — СД. — Б. Р.> направлении.

Ответ: Да, это правильно [Там же: л. 11 об.].

Более того, судя по протоколам (в значительной части на их основании вскоре будет составлено первое обвинительное заключение в адрес БП), ближайшее участие в связях Епархии с СД принимал именно допрашиваемый. Так, в свое время СД запросило у Епархии сведения относительно некоторых лиц из состава священнослужителей (в связи с их назначением на приход, отзывом с прихода).

Вопрос: Кто эти сведения передавал в СД?

Ответ: Готовил и отсылал все требуемые СД сведения я — Плюханов [Там же].

Если судить по материалам Следдела, после ноябрьских допросов наступил двухмесячный перерыв. Что известно об этих двух месяцах? Единственное: 16 ноября в заседании Епархиального совета рассматривалось прошение БП об увольнении:

Слушали: Прошение секретаря Епархиального Совета Б. Плюханова от 16. XI. 1944 г. об освобождении его от упомянутой должности.

Постановили: Освободить Б. Плюханова от должности секретаря Епархиального Совета АССР, считая с 23 ноября 1941 г., и выразить ему благодарность за полезную для Церкви деятельность⁸.

⁸ LNA. LVA. 7469. f. – 1. a. – 79. l. 180. lpp.

Скорее всего, прошение это явилось следствием разговора БП с председателем Епархиального совета Н. Македонским⁹. Епархия переживала не лучшие дни: за месяц с небольшим после 13 октября (Красная армия в Риге), было арестовано около десяти ее священно- и церковнослужителей.

Как уже отмечалось, в ночь с 8 на 9 января 1945 г. БП все же был арестован, формально — задержан. Последовали допросы — 9–10 и 16 того же месяца, направление допросов в основном оставалось прежним.

13 февраля состоялись допросы так называемых свидетелей. Почти под копирку были записаны «показания» Н. Македонского и А. Лисмана¹⁰, уличавшие БП в последовательном антисоветизме [Следдело: л. 28–31 об.]. Ниже цитируются фрагменты допроса Н. Македонского, где декларируется, что БП в должности секретаря Епархиального управления

неоднократно редактировал указания и распоряжения для Латвийской Епархии антисоветского содержания, с призывами борьбы против Советской власти. Эти распоряжения за подписью его, как секретаря Епархиального управления, рассылались по приходам. <...>. В феврале месяце 1944 года Плюхановым был составлен антисоветский документ <...>. В марте месяце 1944 года Плюхановым было написано указание <...> клевета по адресу ВКП(б) и Советского правительства. В июне месяце 1944 года также был написан Плюхановым антисоветский документ <...>. Мне известно, что Плюханов, владея в совершенстве немецким языком, всегда являлся переводчиком между епископом Иоанном Гарклав¹¹ и Гегингером¹² [Там же: л. 28 об. – 29].

⁹ Македонский Николай Александрович (1865–1954, Рига), митрофорный протоиерей, законоучитель в русских рижских школах.

¹⁰ Лисманис Александр (Lismanis; 1874–1953, Рига), митрофорный протоиерей.

¹¹ Иоанн (Янис Гарклавс; Jānis Garklavs; 1898–1982, Чикаго), в 1943–1944 гг. возглавляя Рижскую епархию. Эмигрировал из Латвии в 1944 г.; с 1949 г. — в США, где перешел в юрисдикцию Американской Православной митрополии; епископ Детройтский и Кливлендский, епископ (архиепископ) Чикагский и Миннеаполисский.

¹² Гегингер В. (Gögginger Wolf Heinrich Wilhelm; 1911, Рига – 1999, США), из известной в Риге семьи предпринимателей; в начале 1930-х гг. учился в Тюбингском университете, dr. phil., пастор, религиовед, автор книги: “Volksreligion und Weltreligion im deutschen Brauchtum” (Riga: Holcner Verlag, 1944). В годы войны в Риге — референт отдела по делам церкви и конфессий полиции безопасности и СД. Относительно «свидетельства» Н. Македонского о БП как переводчике между епископом Гарклавсом и Гегингером ср. собственноручные показания БП в приложении к допросу от 9 марта 1946 г.: «<...> Гегингер заходил к Епископу Иоанну и вел с ним разговоры на латышском языке, которым Гегингер вполне владел» [Следдело: л. 53 об.]. К тому же, по семейным воспоминаниям, немецкий язык БП был весьма слаб, переводить он не мог. Любопытную сорокалетнюю послевоенную переписку между В. Гегингером и латышским эмигрантским историком и религиоведом Х. Биезайсом (Haralds Biezais) см. в Отделе редких книг и рукописей Национальной библиотеки Латвии (LNB RGRK. RHA263 f.; в особенности: 419. l. – 72. lpp. (1987 г., письмо Х. Биезайса – В. Гегингеру, латышск. яз.).

В Следделе отложилось определенное число тех самых епархиальных циркуляров, где вслед за подписью председателя Епархиального совета Н. Македонского идет подпись БП как секретаря.

Приведем некоторые из них:

17 февраля 1944 г.

Согласно предложению Департамента Церквей и Конфессий <т. е. СД. — Б. Р.> сообщаем Вам, что 6-го марта с. г. истекает 25 лет со дня смерти полковника Оскара КАЛПАКА¹³.

Просим передать это извещение настоятелям приходов вверенного Вам благочиния, для того чтобы они отметили память О. Калпака в своих проповедях 5-го марта с. г. [Следдело: л. 40].

17 мая 1944 г.

По распоряжению директора Департамента церквей и конфессий с. г. 14-го июня с 7 до 7^{1/2} час. утра во всех церквях должны звонить колокола в память в июне месяце 1941. года увезенных из Латвии, а с. г. 18 июня их следует помянуть за богослужением [Там же: л. 35].

19 мая 1944 г.

В газетах появилось сообщение о кончине Святейшего Патриарха СЕРГИЯ.

По распоряжению Преосвященнейшего ИОАННА, Епископа Рижского указываем Вам для сведения, что поминовение в Бозе почившего Патриарха¹⁴ на общественных богослужениях в настоящее время не предусмотрено [Там же: л. 36].

21 июня 1944 г.

Епархиальному совету стали известны случаи кощунственного отношения к таинству св. крещения некоторых беженцев из Советского союза, приводящих своих детей к таинству единственно для того, чтобы получить предусмотренные на этот случай премии.

Епархиальный совет на своем заседании от с. г. 15 июня с. г. <... > постановил прекратить выдачу справок для премий в случае крещения детей, родившихся не на территории Латвии, а еще в Советском союзе [Там же: л. 37].

<Без даты.

Июль–сентябрь 1944 г.

Черновик?>

Военные действия снова приближаются к нам. Гражданскими властями уже проводится частичная эвакуация некоторых районов, оказавшихся под опасностью

¹³ Калпакс Оскарс (Kalpaks Oskars; 1882–1919, Латвия), полковник, участник войны за независимость Латвии, погиб от дружественного огня (т. е., по сути, проповедь читалась не только в память полковника Калпакса, но и во имя «господина случая»).

¹⁴ Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) скончался 15 мая 1944 г.

военных действий. Указываем всем священникам и другим членам клира, приходов которых может коснуться необходимостью эвакуации следующие: <... >

3. При эвакуации местности, когда священнослужитель покидает место своего священнослужения вместе со своей паствой, он обязан взять с собой, согласно уже данного через благочинного разъяснения Епархиального Управления от с. г. 10-го июля № 1738, Св. Антиминс, Св. Дары, Св. Миро, Богослужбные сосуды, Напрестольный крест, один комплект риз, Служебник, Требник, Каноник и проформную печать, а также документы, касающиеся церковных недвижимостей и кассовой отчетности. Церковно-приходские суммы, в случае военной опасности, можно перевести заранее почтовым переводом по адресу Епархиального управления. Если это сделано не будет, их нужно сдать Епархиальному управлению по эвакуации [Следдело: л. 39].

Каждый из приведенных выше циркуляров рассматривался как антисоветский и мог вменяться БП в вину в качестве доказательства его «пособничества фашистскому оккупационному режиму». Так, например, прекращение выдачи справок «для премий в случае крещения детей, родившихся не на территории Латвии, а еще в Советском союзе», могло истолковываться как очевидная сегрегация советских детей. А обращение к эвакуировавшимся священнослужителям как призыв к измене родине...

Может показаться странным и подозрительным, что следствие совершенно не интересовало протоиерей Н. Македонский, за чьей основной подписью как председателя Епархиального совета шли приведенные и неприведенные здесь циркуляры, а обрушило все обвинения на секретаря. Но, по разным причинам, в те дни Н. Македонский не интересовал следствие, чья основная задача заключалась в том, чтобы обложить БП обвинениями разного рода, в т. ч. и посредством Н. Македонского, его так называемыми показаниями¹⁵.

Усугубляя вину БП и тот факт, что, по его собственному признанию (как следует из ранних допросов, позднее им же оспоренных), он участвовал в редактировании этих циркуляров, в том числе, циркуляров, инициированных СД (о праздновании завоевания Риги войсками Германии, о поминовении депортированных 14 июня 1941 г., о поминовении О. Калпакса) [Там же: л. 20].

¹⁵ В связи с «устойчивостью» протоиерея Н. Македонского может быть стоит учесть один из пунктов «Указания НКГБ СССР» от 3 марта 1944 г.: «Аресты церковных и сектантских руководителей, имеющих большой авторитет среди верующего населения (епископы, видные ксендзы и священники) производить только с санкции НКГБ СССР».

Вопрос: Эти поименованные выше документы после Вашей переработки сохранили свой контрреволюционный смысл и соответствовали тем задачам, которые ставили немецкие власти.

Ответ: Да, эти документы сохранили свой контрреволюционный смысл и соответствовали тем задачам, которые ставили немецкие власти [Следдело: л. 20 об.] (еще см. по теме [Там же: л. 14 об., 16 об.]).

В вину БП вменялась и почтовая рассылка документов, инициированных СД [Там же: л. 22].

В итоге:

Вопрос: <... > как уже установлено выше, фактически Вы оказались пособником немцев.

Ответ: Да, я должен это признать <... > [Там же: л. 22 об.].

Любой шаг «задержанного» рассматривался как проявление антисоветизма, как пособничество немецким оккупантам, как распространение сведений нацистского характера, как связь с СД... Чуть ли не вплоть до того, что нахождение в одном помещении с представителем СД приравнивалось к пособничеству (если по Л. Леви-Брюлю, то речь идет о мистическом соучастии — Participation mystique).

Еще эпизод «мистической» связи БП, на сей раз — с СС. В начале октября 1944 г. БП выезжал в командировку в Западную Латвию. Пропуск на поездку был выписан через СС [Там же: л. 54–55], что, естественно, не могло не рассматриваться следствием как знак связи БП с этим учреждением.

Январские допросы 1945 г. для БП были нелегкими. Очевидно, что в процессе следствия без массированного психологического воздействия на БП не обошлось (о применении физических мер на следствии у нас нет сведений и, насколько нам известно, такого рода сведениями БП ни с кем не делился). С какой целью могла быть задействована психологическая атака, к чему была постоянная угроза применения к задержанному, подследственному, обвиняемому статьи 58-1 «а», т. е. угроза смертной казнью — измена родине? Отчасти объяснение этому находим в воспоминаниях самого БП: «Во время следствия в Риге и позже, в лагере, я подвергался уговорам стать осведомителем. По-видимому, предполагалось вернуть меня на работу в Епархиальное управление в Риге. В КГБ в Риге в этих уговорах <так наз. «беседа вербовочная». — Б. Р.> участвовал генералитет КГБ» [Плюханов: 229–230]. Под угрозой смертной казни или компрометации попытка склонить подследственного к работе на сыск — распространенный метод воздействия на кандидата в секретные сотрудники. Отсюда и изначально заданная угрожающая статья 58-1 «а».

Только 17 марта 1945 г., когда БП уже более двух месяцев находился в тюремном заключении, было оформлено Постановление на арест, что отчасти свидетельствует о том, что за истекший период склонить БП к сотрудничеству не представилось возможным. В противном случае Следдело, как случалось в аналогичных случаях, могло и не возникнуть.

В Постановлении на арест читаем:

ПЛЮХАНОВ Б. В. с 1931 по 1934 год являлся одним руководителей антисоветской организации «Русское православное христианское единение».

В период немецко-фашистской оккупации гор. Риги, работал секретарем епархиального совета ПЛЮХАНОВ проводил пособническую деятельность, редактировал и рассылал по приходам епархии антисоветские распоряжения. Был связан с «СД», что сам признал [Следдело: л. 3].

В Постановлении того же дня об избрании меры пресечения записано:

ПЛЮХАНОВ Б. В. подозревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 УК РСФСР <...> [Там же: л. 4].

Обратим внимание на датировку Постановления об аресте БП — 17 марта 1945 г. и сопоставим эту дату с временем издания совместной директивы № 40/42 НКВД СССР и НКГБ СССР от 15 марта, в соответствии с которой

... в целях разгрузки тюрем УССР, БССР, часть следственных арестованных органами НКВД, НКГБ указанных республик, из числа бывших немецких ставленников <...> и других антисоветских элементов, направляется в лагеря НКВД, расположенные на территории Коми АССР, Архангельской, Свердловской, Кировской, Куйбышевской областей. Окончание следствия по делам этих арестованных возлагается на НКВД-НКГБ, УНКВД-УНКГБ по месту расположения лагерей. <...>. Следствие по делам арестованных, вывезенных в лагеря, закончить в 2-месячный срок с момента прибытия их в лагерь. Законченные дела направлять через прокурора в Особое совещание при НКВД СССР¹⁶.

Судя по некоторым работам, Латвия тоже подпадала под действие Директивы НКВД- НКГБ от 15 марта 1945 (см., напр.: [Епифанов: 140]).

¹⁶ [НКВД-МВД: 440]. См. еще по теме приказ НКВД СССР и НКГБ СССР от 22 марта 1945 г. за № 00224/00156: «В целях разгрузки НКВД-НКГБ Латвийской ССР от арестованных, не представляющих оперативного интереса, заместителю народного комиссара внутренних дел СССР тов. Чернышеву вывезти из Латвийской ССР 6 000 арестованных в исправительно-трудовые лагеря НКВД для окончания следствия по ним в лагерях» (О мероприятиях по усилению борьбы с антисоветским подпольем и ликвидации вооруженных банд на территории Латвийской ССР [Там же: 413]).

Арест и этапирование БП состоялись, но за время с 17 марта 1945 г. по 2 февраля 1946 г. в Следделе отсутствуют какие-либо документы — ни листочка, ни записочки.

Эта лакуна отчасти заполняется воспоминаниями М. Плюхановой и письмами самого БП. 24 апреля 1945 г., как пишет МП, ее мужа этапируют из Риги [Плюханова: 129]; о месте его пребывания с 11 мая по 28 августа 1945 г. можно узнать из его писем домой: «Молотовская область, ст. Половинка. Широлаг <он же: Ширострой> НКВД СССР. 1-ое отделение. Кол<онна> 103»¹⁷. Была ли почта после 28 августа 1945 г.? Возможно... Во всяком случае, из воспоминаний М. С. Плюхановой следует, что с пометой «адресат выбыл» ее письма БП стали возвращаться назад только летом 1946 г. [Там же: 133].

После длительного перерыва почти в год в деле обнаруживается документ, помеченный седьмым февраля 1946 г. — медицинская справка (печать на ней плохо поддается чтению, разборчиво только «Молотовской областной»), выданная, возможно, в связи с жалобами БП на здоровье или намерением следствия «испытать» его на тяжелых работах: «З/к Плюханов Борис Владимирович 1911 г. рождения. Страдает компенсаторным пороком сердца. Годен к среднему физтуду» [Следдело: л. 62].

13 февраля без соответствующего постановления (так сказать «последнее предупреждение!») БП были предоставлены для ознакомления следственные материалы [Там же: л. 59]. Наконец обнаруживается помеченное 7 марта 1946 г. «Постановление (о принятии дела к производству)» — только с этого времени БП начинает официально числиться за управлением НКГБ по Молотовской области [Там же: л. 45–45 об.]. По хронологическому соседству, 8 марта, находится «Анкета арестованного» [Там же: л. 6–7 об.]. Но ведь БП значился за Молотовским УКГБ с первой половины мая 1945 г., тогда же должна была быть заведена пресловутая анкета! Что могло препятствовать своевременному оформлению дела? К тому же, согласно уже упоминавшейся выше директиве от 15 марта 1945 г., «следствие по делам арестованных, вывезенных в лагеря» необходимо было «закончить в 2-месячный срок с момента прибытия их в лагерь». Но, надо понимать, соответствующие распоряжения касались лишь «рядовых» случаев — арестовать, приговорить, исполнить приговор. А тут особая ситуация — вербовка, оперативный интерес. Можно лишь предположить, что в целях давления с какого-то времени БП был лишен и права переписки и перемещен из лагеря

¹⁷ См. об этом выше, в настоящем сборнике в публикации М. Плюхановой. С. 424.

в следственную тюрьму¹⁸, где продолжалась попытка склонить БП к агентурной работе (напомним фрагмент воспоминаний БП: «Во время следствия в Риге и позже в лагере я подвергался уговорам стать осведомителем»). Судя по тому, что на БП все же оформили дело, работа пермского следователя по вербовочной операции (не исключено, соревновавшегося в этой «опции» с рижским следователем) успехом не завершилась. Далее уже следовало спешить, следствие грозило превысить допустимые сроки. 8–11 марта — оформленные допросы [Там же: л. 46–55 об.]; 12 числа того же месяца — предъявление обвинения [Там же: л. 56–56 об.], в ответ — отказ БП признать себя виновным по статье 58-1 «а», требование очных ставок со свидетелями и бесполезная попытка опровергнуть обвинение, в частности, тем, что следователем «неправильно записывались его показания», на что обвиняемому было заявлено, что его попытки дезавуировать свои показания «на допросе от 10 декабря» (правильно — ноября? — Б. Р.) 1944 г. и 16 марта 1945 г. являются «клеветой <sic!> на следственные органы и в частности на следователя маера <sic!> юстиции Веденского <sic!> и Капитана Сметанина <...>». Тогда же БП было отказано в ходатайстве на производство очной ставки «с рядом свидетелей проходящих по его делу которые проживают в городе Риге Латвийской ССР» («Постановление (об отказе в ходатайстве <sic!>»); [Там же: л. 57–59 об.]. 14 марта датируется «Протокол об окончании следствия» [Там же: л. 60]. Т. е. весь молотовский этап следствия (фиксированный) уложился в неделю; видимо, уже не предполагалось оформление очередного «Постановления о необходимости продления следствия». 14 марта датируется «Обвинительное заключение» [Там же: л. 63–65], несколько расширенное, по сравнению с предыдущим, рижским, за счет двух «весомых» пунктов: «из полиции “СС” получал разрешения на выезд из Риги в другие Латвийские города. Устраивал на работу в Епархиальное Управление шпионов немецкой разведки» [Там же: л. 64–65]. Статья УК РСФСР осталась прежней — 58-1 «а».

Резюме обвинительного заключения: «Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР, приказом НКВД СССР № 001613 от 21/XI — 41 г. и директивным указанием НКВД-НКГБ № 40/42 от 15 марта 1945 года¹⁹ следственное дело № 5981 по обвинению ПЛЮХАНОВА Бориса Владимировича направить на Рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР». При направлении

¹⁸ На вопросы локационного рода могло бы ответить «Личное дело на заключенного»; но, полагаем, оно давно уничтожено в установленном порядке.

¹⁹ Приказ НКВД 1941 г. и директива от 15 марта 1945 г. обязывали дела по ст. 58-1 «а» и дела на «пособников» передавать на рассмотрение Особого совещания.

соответствующего документа в ОСО следователь обязан был предложить меру наказания, а прокуратура — выразить свое суждение по «вопросу». Мнения, как говорится, разделились: следователь считал «целесообразным применить лишение свободы в ИТЛ сроком на 8 лет», а зам. облпрокурора, возможно, узрев в деле БП шаткость обвинения, со своей стороны, 20 марта, предложил «меру наказания определить 5 лет» [Следдело: л. 63, 65]. К моменту окончания следствия БП находился под стражей в тюрьме № 1. гор. Молотов [Там же: л. 65].

22 марта 1946 г. дело на «эвакуированного из Латвийской ССР следственно-заключенного ПЛЮХАНОВА Бориса Владимировича» было направлено на рассмотрение ОСО [Там же: л. 65 а], откуда 24 апреля того же года бумаги ушли начальнику 5 отд. 2 упр. МГБ СССР генерал-майору Карпову (он же — Георгий Григорьевич Карпов (1898, Кронштадт — 1967, Москва) — с сентября 1943 г. — председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР). Письмо генерал-майору Карпову содержало экспертное заключение ОСО: «<...> считаем, что при собранных следствием материалах судить его <БП. — Б. Р.> по ст. 58-1^а УК РСФСР нет оснований» [Там же: л. 66]. Ответное письмо Г. Карпова от 11 мая 1946 г. гласило: «С Вашим заключением, что при собранных следствием материалах судить его по ст. 58-1 «А» УК РСФСР нет оснований, — мы согласны. Полагаем необходимым следственное дело на ПЛЮХАНОВА Б. В. возвратить для переквалификации статьи обвинения и направления его по подсудности» [Там же: л. 67–67 об.]²⁰.

²⁰ Заключение как ОСО, так и Совета по делам РПЦ при СНК СССР может показаться несколько неожиданным. Разве что учесть, что в последний год войны и в первые послевоенные годы аресты совершались по ничтожной агентурной ориентировке на предательство, пособничество и т. п. Государство, по разным соображениям, вынуждено было ограничить преследование населения вопросительной графой «Находился на временно оккупированной территории?» в анкете при приеме на работу и подобных документах. Оправдательные приговоры, прекращение заведенных дел, переквалификация статей не были явлением столь уж уникальным даже для ОСО. Не случайно, министр МГБ С. Игнатъев, как бы подводя опыт работы ОСО за послевоенные годы и стремясь ликвидировать «безответственное отношение» «значительной части работников следственных аппаратов органов МГБ <...> к расследованию дел о государственных преступлениях», в частности, писал в записке от 28 декабря 1951 г., адресованной И. Сталину: «По многим делам следствие проводится поверхностно и в ряде случаев необъективно <...>. Не редкими являются случаи, когда направление дела в Особое Совещание предопределяется еще до ареста и это, в свою очередь, ведет к упрощенчеству в агентурной разработке, к поспешным, преждевременным, а иногда и необоснованным арестам» (Письмо С. Д. Игнатъева И. В. Сталину об Особом Совещании при МГБ СССР [Дубянка 2003: 665]).

Здесь можно заметить, что назначенная БП в Риге и Молотове статья 58-1 оказалась для него в некотором роде спасительной. Определи рижские и молотовские следователи под имеющиеся доказательства не столь грозную для БП статью, а что-нибудь полегче, ОСО, скорее всего, без колебаний приговорило бы его к тем же 5 или 8 годам ИТЛ.

При письме от 22 мая Следдело и заключение по нему были возвращены в Молотов на адрес «ЗАМ. НАЧ. УМГБ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ Подполковника тов. Петрова», который, надо думать, чертыхнувшись, 6 июня 1946 г. поверх письма из ОСО наложил резолюцию — состав преступления БП квалифицировать по статьям 58-3 и 58-10 II части УК РСФСР [Следдело: л. 68]. 12 июня последовало форменное Постановление о переквалификации дела за соответствующими подписями представителей УМГБ по Молотовской области [Там же: л. 69]. Но на документе отсутствует необходимая в таких случаях подпись обвиняемого... В попытке выяснить причину отсутствия таковой взглянем на очередное Постановление, оформленное следователем 14 июня, спустя два дня после предыдущего. Читаем:

Обвиняемый ПЛЮХАНОВ Б. В. 21 марта 1945 года арестован МГБ ЛССР и содержался под стражей в тюрьме № 1 г. Молотов, где проявил психическую ненормальность и по заключению начальника Мед. Сан. Части тюрьмы № 1 14 июня 1946 г. был направлен в психбольницу г. Молотов на судебно-психиатрическую экспертизу для определения его психической полноценности [Там же: л. 70].

Основанием для Постановления от 14 же июня послужил рапорт начальника медсанчасти Молотовской тюрьмы № 1 о необходимости отправки БП на экспертизу в психбольницу в связи с диагнозом «острый психоз» [Там же: л. 74]. Психический срыв 14 июня мог быть вызван провокацией со стороны следователя, которому, начальство, наверняка «намылило шею», «поставило на вид» за «недоброкачественную работу», за возвращение дела из ОСО на переквалификацию, за тень, (понимаешь!) брошенную на все Управление, — и следователь нуждался в «эмоциональной компенсации». БП вспоминал: «Следствие проходило в мучительных условиях, велось жесточайшими методами и приемами» [Плюханов: 218]. Нет ли в этой фразе и отражения тюремных событий от июня 1946 г.?

В больнице БП пробыл почти два с половиной месяца (с середины июня по конец августа). Не очень понятно, почему такой долгий срок, ведь по результатам психиатрической экспертизы Молотовской психиатрической больницы от 27 августа «<...> Плюханов признаков формального психического расстройства не обнаруживает. Перенес реактивное состояние,

из которого вышел. Является вменяемым. В дальнейшем пребывании в психбольнице не нуждается, подлежит выписке» [Следдело: л. 77].

Медицинское заключение, повторим, датировано 27 августа 1946 г. В эти дни в Молотове уже около недели находилась добравшаяся сюда из Риги жена БП, М. С. Плюханова, дома сумевшая собрать документы, письма друзей и соседей в поддержку и защиту БП, а в Молотове добившаяся встречи с главврачом больницы, со следователем и начальником следственного отдела, с начальником Управления МГБ Молотовской области. Цель — добиться освобождения мужа (как когда-то усилиями матери была спасена она сама²¹) или скорейшего суда над ним, страдающим от неведения [Плюханова: 141–147]. В истории Гулага такие шаги — не из рядовых. Дальнейшие события убедили М. С. Плюханову, что она «своим приездом <...> подтолкнула чекистов к решению» [Там же: 147].

Но, насколько мы понимаем, решение о направлении дела БП в Молотовский областной суд уже давно было определено, еще распоряжением от 12 июня того же 1946 г., (см. об этом выше, с ссылкой на л. 69). Поэтому-то, судя по воспоминаниям М. С. Плюхановой, молотовские чекисты так согласно кивали ей при словах «суд». Не окажись БП в больнице на два с половиной летних месяца, дело его, вероятно, было бы уже решено в сторону ИТЛ.

В первой половине сентября, спустя почти две недели после отъезда М. С. Плюхановой из Молотова в Ригу, дело БП опять приобрело несколько неожиданный оборот... В «Постановлении (о направлении следдела № 5981 в порядке ст. 126 УПК РСФСР)» от 13 сентября 1946 г. (г. Молотов), читаем:

Принимая во внимание, что по делу ПЛЮХАНОВА необходимо производство дополнительного следствия, что МГБ Латвийской ССР телеграммой № 2292 от 11 сентября 1946 года запросило дело и арестованного ПЛЮХАНОВА направить для дополнительного проведения следствия по месту совершения преступления, а поэтому на основании изложенного и руководствуясь ст. 126 УПК РСФСР <следователь. — Б. Р.>

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело №5881 по обвин. ПЛЮХАНОВА Бориса Владимировича для дальнейшего ведения следствия направил в МГБ Латвийской ССР, направив туда же арестованного ПЛЮХАНОВА [Там же: л. 90].

²¹ См. об этом в настоящем сборнике в публикации М. Плюхановой. С. 428, 430–431.

Полагаем, что возвращение БП в ведение МГБ Латвии вызвано было давним ходатайством БП о предоставлении ему очных ставок со свидетелями, на показаниях которых отчасти строилось обвинение в его адрес (напомним, что это ходатайство было отвергнуто молотовским следователем по причине отдаленности Риги от Молотова; [Следдело: л. 59–59 об.]). И, почти очевидно, что телеграмме МГБ Латвии за № 2292 предшествовала переписка между УМГБ Молотовской области и МГБ АССР по вопросу о том, кто будет заниматься дополнительным расследованием по делу БП, в свое время «завернутым» ОСО [Там же: л. 66–67]. Как видим, в споре ведомственных субъектов (Молотов — Рига) победу одержало УМГБ Молотовской области, «скинув» дело на Ригу.

19 (?) сентября 1946 г. датируется сообщение УМГБ Молотовской области в МГБ АССР, о том, что арестованный Б.В. Плюханов, содержащийся во внутренней тюрьме УМГБ, «с первым отходящим вагонзаком» будет этапирован в г. Ригу «для окончания следствия и передачи по подсудности» [Наблюдательное дело: л. 8].

Судя по входящей дате на том же листе, БП был доставлен в Ригу 25 сентября.

Следующие полтора месяца в следственном деле — очередная «дыра», по меньшей мере, третья...

Наконец, выходим на [Следдело: л. 92]:

«ПОСТАНОВАЛЕНИЕ (о прекращении дела)

Город Рига, Латв. ССР

Ноября м-ца, 13 дня 1946 года»,

где, в частности, читаем:

Я, старший уполномоченный 3-го отделения, 2-го отдела МГБ по Латв. ССР — капитан АНИСИМОВ, рассмотрев следственное дело № 5981 по обвинению ПЛЮХАНОВА БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА

НАШЕЛ:

<...>. 22 марта 1946 года дело [Б. В. Плюханова] было направлено на рассмотрение особого совещания при МВД Союза ССР. 30.IV.1946 года следственное дело было возвращено с особ. совещания для дополнительного расследования и направления дела по подсудности. Дополнительным расследованием по делу антисоветская деятельность ПЛЮХАНОВА не подтвердилась, что не дает основания для привлечения ПЛЮХАНОВА к уголовной ответственности.

Дополнительных сведений, могущих подтвердить а/советскую деятельность ПЛЮХАНОВА, следствием добыть не представилось возможным.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 204 п. «б»²²

ПОСТАНОВИЛ

1. Следственное дело № 5981 по обвинению ПЛЮХАНОВА Бориса Владимировича производством следствия прекратить.
2. Обвиняемого — ПЛЮХАНОВА Б. В. из-под стражи немедленно освободить.
3. копию постановления направить Прокурору.

СТРАШИЙ <sic!> ОПЕРУПОЛН. 3 ОТДН 2 ОТДЕЛА МГБ
по Латв. ССР — КАПИТАН /Подпись/ (АНИСИМОВ)
ВРИО НАЧАЛЬНИКА 2 ОТДЕЛА МГБ по ЛССР
КАПИТАН /Подпись/ (МАРТЫНОВ)
«СОГЛАСЕН»:
НАЧАЛЬНИК 3 ОТДН 2 ОТДЕЛА МГБ ПО ЛССР
КАПИТАН /Подпись/ (сМЕТАНИН <sic!>)

Тем же числом датируется на Постановлении одобрительная виза заместителя министра госбезопасности ЛССР.

Остается попытаться понять, почему дело БП было прекращено? В «за недостаточностью улик»? — верится слабо. Да одного участия в «Единении» было достаточно для приговора (напомним, что некоторые участники аналогичного движения в Эстонии были расстреляны, еще до войны). Скорее, речь должна идти о том, что ни на очную ставку с БП, ни тем более на суд над БП нельзя было вывести агента(ов) МГБ (может быть, еще со времен ОГПУ?), на чьих материалах изначально строилось обвинение против него. И в операции прикрытия, ради сохранения неизвестного нам агента(ов), скрепя сердце, МГБ ЛССР пришлось отказаться от осуждения Б. В. Плюханова.

14 ноября 1946 г. под подписку о неразглашении Борис Владимирович Плюханов был освобожден из тюрьмы № 1 МВД Латв. ССР.

Источники и литература

Дело Пастора: Судебно-следственное дело Пастора Альфонса Яновича // LNA LVA. 1986. f. – 2. ар. – П-6130. Л. I. – 95. 1 pp.

Наблюдательное дело: Наблюдательное дело к Судебно-следственному делу Б. В. Плюханова // LNA LVA. 1986. f. – 2. ар. – 1984. I.; № 5981.

Следдело: Судебно-следственное дело Б. В. Плюханова // LNA LVA. 1986. f. – 2. ар. – 1984. I.; № 5981.

²² «Орган расследования прекращает дело <...> при недостаточности улик для предания обвинения суду» [Кодекс: 47].

Епифанов: *Епифанов А.* Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР: 1941–1956 гг. М., 2017.

Кодекс: Уголовно-процессуальный кодекс. М., 1940.

Лубянка 2003: Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 / Авт.-сост. Кокурин А. И., Петров Н. В. М., 2003.

Лубянка 2006: Лубянка: Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «СМЕРШ». 1939 – март 1946 / Сост. Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С. Международный фонд Демократия. М., 2006.

НКВД-МВД: НКВД-МВД в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1929–1956) / Сост. Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. М., 2008.

Плюханов: *Плюханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. [Париж], 1993.

Плюханова: *Плюханова М. С.* Мне кажется, что мы не расставались. Таллинн, 1999.

Указание НКГБ СССР: Указание НКГБ СССР № 29 об организации оперативно-агентурной работы на освобожденной территории прибалтийских республик. 3 марта 1944 г. // Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов. М., 2007. Т. 5. Кн. 1.

Шикер: *Шикер А. К.* Воспоминания о детстве и жизни католического Петербурга. <https://cathmos.ru/shiker-vozpominaniya/>

Cakuls: *Cakuls, Jānis.* Latvijas Romas katoļu priesteri 1918–1995: uzzīņas. Rīga, 1996.

Крūмиņa-Коņкова: *Krūmiņa-Коņkova, Solveiga.* Sadarbība starp Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas drošības iestādēm un PSRS Reliģisko kultu lietu padomes pilnvaroto Latvijas Padomju Sociālistiskajā Republikā (1944–1954) // VDK izpēte: LPSR Valsts drošības komitejas zinātniskās izpētes komisija. I. sej. Rīga, 2015.